

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Брат мой всю жизнь любил охоту с ружьем и легавой собакой (Об охоте у отца {По поводу охоты, вспоминаю такой случай: в первые годы, проводя лето у отца в деревне, брат иногда ездил с ним на охоту с борзыми и гончими собаками. Брат не любил этой охоты, а отец очень любил и всегда радовался, когда ему удавалось увлечь с собой брата. В одной из таких поездок кто-то из охотников--подъезжий или доезжачий - сделал большую ошибку, вследствие которой собаки упустили зверя. Отец вышел из себя и в порыве гнева наскочил на виноватого и отдул его арапником. Брат, не говоря ни слова, поворотил лошадь и ускакал домой; вскоре воротился и отец не в духе и сердитый. Объяснений никаких не последовало, но брат стал избегать отца - уходил с ружьем и собакой и пропадал по несколько дней, охотясь за дичью с своим сверстником Кузьмою Орловским и его отцом, отлично знавшим все места и какую птицу где нужно искать. Отец, видимо, скучал - на охоту не ездил. Однажды, когда брат вернулся, отец послал меня непременно уговорить его, чтобы пришел обедать. Обед прошел довольно натянуто, но затем подано было шампанское, за которым и последовало объяснение. Отец горячился, оправдывался, что без драки с этими "скотами" совсем нельзя, что тогда хоть всю охоту распускай, но тем не менее дал слово, что при брате никогда драться не будет, и сдержал его. (Прим. А. А. Буткевич.)). 10-ти лет он убил утку на Печельском озере; был октябрь, окраины озера уже заволокло льдом, собака не шла в воду: Он поплыл сам за уткой и достал ее. Это стоило ему горячки, но от охоты не отвадило. Отец брал его на свою псовую охоту, но он ее не любил. Приучили его к верховой езде очень оригинально и не особенно нежно. Он сам рассказывал, что однажды 18 раз в день упал с лошади. Дело было зимой - мягко. Зато после всю жизнь он не боялся никакой лошади, смело садился на клячу и на бешеного жеребца. Но ездить любил шагом и хорошо стрелял с лошади.

По мере того как средства его росли и он делался самостоятельным, он придал охоте своей характер по своему вкусу и своим планам. Охота была для него не одною забавой, но и средством знакомиться с народом. Каждое лето периодически повторялась. Поработав несколько дней, брат начинал собираться. Это значило: подавали к крыльцу простую телегу, которую брали для еды, людей, ружья и собак. Затем вечером или рано утром, на другой день брат отправлялся сам в легком экипаже с любимой собакой, редко с товарищем - товарища в охоте брат не любил. Он пропадал по несколько дней, иногда неделю и более. По рассказам происходило вот что: в разных пунктах охоты у него были уже знакомцы - мужики-охотники; он до каждого доезжал и охотился в его местности. Поезд, сперва из двух троек, доходил до пяти, брались почтовые лошади, ибо брат набирал своих провожатых и уже не отпускал их до известного пункта.

По окончании утренней охоты, выбиралось удобное место, брат со всей компанией завтракал, говорил сам мало или дремал.

Затем компания, которая получила *немало* водки и сколько угодно мяса, была разговорчива - брат слушал или нет, это его дело.

Он говаривал, что самый талантливый процент из русского народа отделяется в охотники: редкий раз не привозил он из своего странствия какого-либо запаса для своих произведений. Так, однажды, при мне он вернулся и засел за "Коробейников", которых потом при мне читал крестьянину Кузьме. В другой раз засел на два дня, и явились "Крестьянские дети". В самом деле, разве возможно выдумать форму этой идиллии? Этот сарай с цветными глазами!

Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,

Летит и другая какая-то птица -
По тени узнал я ворону как раз:
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки -
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...

"Орина, мать солдатская" сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшить.

Одно стихотворение, о котором сожалел, что не написал, это *эпитафии*. С одним из своих друзей, охотником, он однажды переходил кладбище. Гаврило рассказывал ему о покойниках, могилы которых обращали на себя внимание брата. Я помню только эпитафию, произнесенную Гаврилой помещику:

Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды.

На зимней охоте с ним однажды был казус. Он набрал до 80 человек и ехал на медведя. Мужики шли впереди. Увидел брат зарево пожара и всю свою команду повернул от медведя туда. Деревню спасли, но охота на тот день пропала. Мужики не жалели медведя, и убить его брату не пришлось, а деньги отдай. Надували его мужики много, но часто поступали с ним честно.

Круг его летней охоты - луга смежных губерний: Ярославской, Костромской, Владимирской. Он их хорошо знал, и большая часть его типов принадлежит средней России. Память у него была удивительная, он записывал *одним словечком* целый рассказ и помнил его всю жизнь по одному записанному слову. При работе тетради эти с не понятными никому отметками были перед его глазами.

У него был еще другой род писанья, это так называемые *рецепты*¹. Написав что-нибудь нецензурное, он обрезывал листок, оставляя только среднюю узкую полоску, всегда по ней мог прочесть, но никто более. Он находил, что в России должно пускать в публику лишь то, что можно при удобных обстоятельствах напечатать. Куда делись эти рецепты? Сколько могу судить, брат переделал их в удобные стихотворения или просто выжидал время, чтобы напечатать.

Брат мой в деревне и в городе был другим человеком. Он не был зол, но печать гнева и печали легла на нем рано. В мелочах слишком колеблющийся, он был решителен в трудном положении.

Характер его вообще был сосредоточенный, молчаливый и скрытный. Напускная любезность (в городе) была нам ясна. Ненавидел фразеров и, заслушав фальшиво-либеральный тон, начинал говорить пошлости. Многие так и уходили, думая, что он говорил искренно, и составляли о нем свои замечания. Врагов у него, вследствие разных причин, было много. Любили его только те, которые его хорошо знали.

С 1844 года по 1863, пока брат не купил себе имения Карабиху, он почти каждое лето проводил в деревне у отца в сельце Грешневе, в 20 верстах от Ярославля. Если брат извещал о дне приезда, отец высылал в Ярославль тарантас, чаще же брат нанимал вольных лошадей или просто телегу в одну лошадь.

Задолго до приезда брата в доме поднималась суматоха. Домоправительница Аграфена Федоровна с утра звенела ключами, вытаскивала из сундуков разные ненужные вещи - "может, понадобится", чистила мелом серебро, перестанавливала мебель, вообще выказывала большое усердие. Охотничьи собаки получали свободный доступ в комнаты, забирались под шумок на запрещенный диван и только вскидывали глазами, когда домоправительница торопливо проходила мимо них.

Отец принимал самое деятельное участие в снаряжении разных охотничьих принадлежностей; несколько дворовых мальчишек сносили в столовую ружья, пороховницы, патронташи и проч. Все это раскидывалось на большом обеденном столе; выдвигался ящик с отвертками" всех величин, и начиналась разборка ружей по частям. Отец был весел, шутил с мальчиками и только изредка направлял их действия легким трясением за волосы.

При таких охотничьих приготовлениях к приезду брата присутствовал обыкновенно немолодой уже мужик, известный в окрестности охотник Ефим Орловский (из деревни Орлово), за которым посылались нарочный с наказом явиться немедленно: "Николай Алексеевич ждет".

Как теперь вижу всю эту картину: отец в красной фланелевой куртке (обыкновенный его костюм в деревне, даже летом) сидит за столом, вокруг него мальчики усердно чистят и смазывают прованским маслом разные части ружей. На конце стола графинчик водки и кусок черного хлеба. В дверях из прихожей в столовую стоит охотник Ефим Орловский с сыном Кузяхой, подростком, тоже охотником, который уже успел отстрелить себе палец.

Время от времени отец, обращаясь к одному из мальчиков, говорит коротко: "Поднеси". Мальчик наливает рюмку водки и подносит Ефиму.

Разговор, между прочим, идет в таком роде:

- Ну, так как же, - говорит отец, - в какие места полагаешь двинуться с Николаем Алексеевичем?

- А поначалу, Алексей Сергеевич, Ярмольцыно обкружим, а потом, известно, к нам на озеро: уток теперь у нас, так даже пестрит на воде!

- А сам много бил?

- Зачем бить, как можно: мы для Николая Алексеевича бережем. Да у меня и ружьишко-то не стреляет, совсем расстроилось. Вот хочу попросить у Николая Алексеевича.

Отец улыбается.

- Попросить можно. Ну, а Тихменева водил на озеро? (Тихменев - помещик-сосед, тоже охотник.)

Ефим, переминаясь:

- Раз как-то приезжал, да ведь какой он охотник - садит зря, да в пустое место, ему бы только стрелять: не лучше моего Кузяхи.

Примечания

Сестра поэта Анна Алексеевна Буткевич (1823-- 1882) всю свою жизнь была близка с Некрасовым. Оба относились друг к другу с большим участием, вниманием и любовью. "Ты одна мой настоящий друг", - писал он ей в 1869 году (XI, 154). Когда между Анной Алексеевной и женой поэта Зинаидой Николаевной наметился разлад, Некрасов очень тяжело это переживал. "Моя усталая и больная голова привыкла на тебе,-- писал он сестре, - на тебе единственно во всем мире, останавливаясь с мыслью о бескорыстном участии, и я желаю сохранить это за собой на остаток жизни" (XI, 340). Их переписка отражает эти необыкновенно сердечные отношения, их искреннюю озабоченность судьбой друг друга. Некрасов посвящал сестру в свои журнальные и личные дела, приглашал ее, занимавшуюся переводами с французского, участвовать в журнале "Отечественные записки", по завещанию предоставил ей "в полную исключительную собственность" права на издание своих сочинений. А. А. Буткевич посвящено стихотворение "Мороз, Красный нос" с особым стихотворным вступлением "Ты опять упрекнула меня..." (II, 166).

Н. Г. Чернышевский, хорошо знавший Буткевич, так ее охарактеризовал: "Она была женщина чрезвычайно скромная. Можно было десятки раз вести при ней разговоры о литературных делах с Николаем Алексеевичем и не услышать от нее ни одного слова, относящегося к содержанию этих разговоров, до такой степени была она чужда желанию выказывать свой ум и свода начитанность" (*Чернышевский*, т. 1, стр. 754).

А. А. Буткевич была издательницей первого посмертного собрания стихотворений поэта. О том, с какой любовью и преданностью она этим занималась, можно судить по отзыву П. В. Анненкова. 12 апреля 1879 года он писал ей: "Вы исполняете свой долг перед поэтом, как немногие, и какой бы Вы памятник ни поставили на могиле его, он не будет лучше этого" (*ИРЛИ*, ф. 203, ед. хр. 97).

Происхождение ее воспоминаний таково. А. А. Буткевич хотела составить биографию поэта. Для этой цели она обрабатывала сразу же после смерти брата его автобиографические записи, делала свои наброски, которые частично использовал А. М. Скабичевский в биографическом очерке, опубликованном в "Отечественных записках" (1878, NoNo 5, 6), включенном затем в первое посмертное издание стихотворений Некрасова.

Печатается по тексту, опубликованному в "Литературном наследстве", т. 49--50, стр. 176-180. Публикация В. Евгеньева-Максимова и С. Рейсера.

¹ Стр. 389. "Рецепты" не сохранились.